

Содержание

Глава 1	
Печальный аромат цветущей сливы	7
Глава 2	
Пора представиться	16
Глава 3	
Место, которого нет.....	24
Глава 4	
Метель.....	34
Глава 5	
Точка бифуркации, иначе говоря — развилка.....	43
Глава 6	
Сто восемь миллиардов	55
Глава 7	
Троица.....	61
Глава 8	
Все эти люди.....	75
Глава 9	
Прекрасное, настоящее, светлое, будущее.....	85
Глава 10	
Синематограф.....	94
Глава 11	
Воздушный замок.....	103

Глава 12	
Воображение и биография (12 тезисов о настоящем)	114
Глава 13	
Сохранить как.....	118
Глава 14	
Калинов мост.....	133
Глава 15	
Иррациональные числа	152
Глава 16	
Отступления.....	170
Глава 17	
Подробности и руины	180
Глава 18	
Репортаж.....	189
Глава 19	
Вокс Деи.....	205
Глава 20	
Звезда разлук, звезда прощаний	219
Глава 21	
Еггоголог.....	233
Глава 22	
Наследники.....	247
Глава 23	
Звездное небо	260
Глава 24	
Время, вперед!	274
Глава 25	
Песнь о срединном пути.....	295

Они запели хором, но слова,
Стесненные гортанью, превращались
В пернатый гомон, грай, трескучий гвалт.

*Уильям Батлер Йейтс.
Кухулин упокоенный*

Глава 1

Печальный аромат цветущей сливы

Об аресте Протасова Баврин узнал в Идзу, префектура Сидзуока, за осмотром местных достопримечательностей. В тридцатое это японское царство занесло его ветрами поначалу служебными, а затем экскурсионными. Три последних дня он провел на международном конгрессе в Иокогаме в составе делегации городского управления культуры и (как накинули им сверху прошлой осенью) развития туризма. Именно проекты сохранения той самой культуры и развития того самого туризма и завели Баврина так далеко от дома. Вкупе с десятичасовым перелетом и разницей во времени почти в полдня сам конгресс отнял чудовищно много сил: мероприятия проходили на нескольких площадках, интенсивная вертикальная жизнь японского мегаполиса слишком уж разнилась с привычной провинциальной размеренностью дома. Видимо, как воздаяние за усердные труды, суббота перед вылетом обратно оказалась свободной, и коллеги, скооперировавшиеся с вологодской и брянской делегациями, уговорили его на вариант с экскурсией в национальный парк Фудзи-Хаконе-Идзу.

Выехали затемно, программа предстояла очень насыщенная. Дорога шла вдоль залива Сагами, из окна микроавтобуса Баврин любовался рассветными видами побережья. Чуть позже, после первой остановки, он отправил Рите несколько совершенно открыточного вида снимков белоснежного замка Одавара и цветущих в замковом парке японских слив вместе с пожеланиями доброго утра — которое наступит у нее только через шесть часов. Там, на родине, подобная красота в начале марта была совершенно невозможна и, может статься, даже невыносима — среди унылого, серого, горизонтального пейзажа, замазанного грязным снегом; жена позавидует, конечно, и не обязательно белой завистью, но ведь он все-таки не развлекаться без нее на край земли умотал, да и очень уж хотелось ему поделиться окружающими его сегодня совершенствами. Здесь же, в торговых палатках около замка, Баврин купил среднюю фигурку самурая в доспехах для Егора и один магнитик «с видом» — на холодильник. Себе подумывал взять или большую кружку с теми же «видами», или миниатюрную реплику катаны на подставке — для письменного стола в рабочем кабинете, или бутылочку-другую сливового вина; долго толкался, ходил перед лотками туда и обратно, но так ничего и не выбрал. Рите же он заранее решил привезти на Восемое марта какую-нибудь японскую косметику из дьюти-фри. Коллеги закупались более основательно.

От замка их повезли на заставу Хаконе — как поведал гид, десятую из пятидесяти трех станций на тракте Токайдо, соединявшем когда-то старую и новую столицы и увековеченном в гравюрах Андо Хиросигэ. Здесь, на Хаконе, японцы со свойственным им педантичным и трепетным отношением к собственной древности воссоздали в мельчайших деталях

деревянные постройки и атмосферу этого «КПП» полутора-вековой давности: башню наблюдения, солдатские казармы, домики для досмотра и регистрации, конюшню, что-то там еще, уже не умещавшееся в крутящуюся из стороны в сторону голову Баврина. В музее старых дорог к нему подошла Марина. Она училась когда-то вместе с его Ритой в институте, и лет семь назад по просьбе жены Баврин пристроил ее к себе в управление культуры, так что их с Мариной-Риной отношения были, пользуясь актуальным в последнее время термином, «гибридными»: смесью официально-служебных и приятельски-домашних. Рита же пролоббировала и включение подруги в состав городской делегации на этот конгресс — чтобы Баврин не оставался за тридевять земель без присмотра.

— Дмитрий Владимирович, ты домашним сувениры какие-нибудь купил? — негромко, чтобы не мешать гиду, спросила Рина.

Баврин смущенно покивал, достал из сумки самурая и магнитик. В ответ на недоуменный взгляд коллеги развел руками:

— Рите пока не нашел ничего, а у меня и так все есть. Безделушки все эти. Я имею в виду, нет чего-то такого, что стоило бы везти из этих тьмутараканей...

— В нашу тьмутаракань, да?.. — усмехнувшись, продолжила она. — Я твоим тоже тут кое-что купила. — Рина ловко скинула рюкзачок, порылась в нем и достала из глубины цветастую коробочку размером с ладонь. — Это Егорке. Японские сласти, там такие маленькие конфетки в виде медвежат, птичек, цветочков-лепесточков. А что Рите взяла — не покажу, конечно, а то ты обязательно разболтаешь.

Похожий на японца гид Виктор Андреевич, не прерывая рассказа о феодальных князьях-даймё, проезжавших по тракту Токайдо в Эдо, где они год через год жили при императорском дворе, чтобы продемонстрировать собственную лояльность, раз-другой между слов неодобрительно взглянул на увлеченных разговором туристов. Баврин, почувствовав себя неловко, удержал Марину от дальнейшей болтовни и жестом уведомил гида, что все понял. Коллега-подруга вернулась к Жданову с Волчком.

Сразу после заставы и музея старых дорог их ждала водная прогулка на небольшом катере по раскинувшемуся рядом с Хаконе озеру Аси. К полудню погода приметно испортилась, небо затянуло, великолепную вершину Фудзи укрыли низкие облака, но даже и так невозможно было оторвать взгляды и объективы от совершенных линий Горы. В фоновом режиме гид продолжал неторопливый рассказ о японском средневековье.

Баврин прислушался. Экскурсовод вел речь о маленьком инженерном чуде — водном туннеле, идущем от озера Аси. Замыслил его в семнадцатом веке, три с половиной сотни лет назад, староста одной из деревень здешней префектуры. Крестьяне деревни, лежавшей к западу от озера, как, собственно, и всякие японские крестьяне, выращивали рис, но поля их часто страдали от засухи. Воды не хватало, и староста задумал создать ирригационную систему, для чего необходимо было подвести к полям воду из озера Аси. Проблема, однако, заключалась в том, что между озером и деревней лежал горный хребет, путь через который пролегал по единственному перевалу. Тогда староста предложил пробить в горах туннель. Предложить-то он предложил, но надо было сначала согласовать все по инстанциям — самодеятельность в подобных

вопросах была невозможна. Озеро Аси — а значит, и вся вода в нем — принадлежало синтоистскому храму в Хаконе; староста отправился к настоятелю храма испросить разрешения использовать озерные воды, и тот дал согласие. Затем необходимо было получить разрешение на строительство от сёгуната Токугава, оно также было официально запрошено и получено старостой, после чего он нанял две бригады строителей, которые вместе с крестьянами деревни трудились над прокладкой туннеля пять лет. Копали одновременно с западной и с восточной стороны горы, причем расчеты были произведены с такой удивительной для своего времени точностью, что встреча под горой произошла ровно посередине пути с каждой стороны и строго в намеченной точке. Общая длина туннеля сквозь каменную преграду составила невероятные семьсот кэн — почти тысячу триста метров. Воды озера Аси пришли сквозь горный хребет на рисовые поля, спасая их от губельных засух. Среди односельчан староста стал едва ли не полубогом.

И все бы хорошо, но тогдашние «силовики» заподозрили неладное. Дело в том, что в средневековой Японии власти очень пристально следили за перемещениями жителей: все законопослушные путешественники могли двигаться только по трактам, проходя контроль и регистрируясь на каждой заставе. Уклонение от этих правил каралось строжайше — смертной казнью. Вот и посчитал некто бдительный из тех, в чьем ведении находилась безопасность государства, что обходной туннель под горой может быть использован заговорщиками и злоумышленниками, которые захотят обойти заставу Хаконе, а там, глядишь, и тайно проникнуть в самую столицу. Не в этом ли, задались вопросом власти, заключался подлинный умысел того, кто притворно выступил в образе

крестьянского благодетеля? Деревенский староста был схвачен, обвинен в шпионаже и заговоре против императорской власти и казнен.

После озерной экскурсии их отвезли к лесному водопаду Дзёрэн, где Баврин, оглядывая окрестности одной из дорожек, поскользнулся на влажных плитах ступеней, однако, уже беспомощно и нелепо замахав руками, успел в последний миг ухватиться одной рукой за коллегу Волчка, а другой — за какого-то громадного воложанина высотой едва ли не в полтора человеческих роста. Сердечно поблагодарив вовремя подвернувшихся соотечественников за чудесное спасение от падения в мартовский ручей, он собрался было написать Рите о том, как, оступившись на скользкой тропинке, едва не промок до нитки, но вывернулся-таки из цепких ледяных пальцев японской судьбы — с приложением прекрасного, схваченного камерой смартфона пейзажа с водными потоками, низвергающимися в окружении зеленых великанов с высоты пятиэтажного дома... но в эту минуту Волчок отвлек его каким-то вопросом, а потом они все вместе двинулись гурьбой и группой обратно к микроавтобусу, так что Баврин решил полный фотоотчет отправить вечером из гостиницы через вайфай.

Последним пунктом программы их путешествия была пешая прогулка по Идзу. В ту минуту, когда, уже набродившись по улочкам небольшого городка и окончательно выдохшись под всей обрушившейся на них за день красотой и историей, они стояли полукругом у древнего надгробного камня Минамото-но Ёриизэ, в треть уха слушая рассказ гида о борьбе самурайских кланов рубежа двенадцатого-тринадцатого

столетий, несчастной жертвой которой пал этот молодой второй сёгун Камакурского сёгуната; в ту минуту, когда и сам уже подуставший немолодой гид, наконец завершая экскурсию, читал им в гениальном переводе Веры Марковой «Песнь о срединном пути», мерцающую и тонкую танка Минамото-но Санэтомо — младшего брата покоящегося здесь героя, впоследствии также ставшего жертвой интриг и заколотого на ступенях храма собственным племянником, сыном этого самого Ёриизэ:

*Этот мир земной —
Отраженное в зеркале
Марево теней.
Есть, но не скажешь, что есть.
Нет, но не скажешь, что нет, —*

в эту минуту Баврин почувствовал вибрацию телефона в кармане куртки. Пришло сообщение с пожеланиями прекрасного дня и настроения от проснувшейся в зимнем российском далеке Риты. Он взглянул на часы, в уме вычел разницу во времени и обнаружил, что жена встала поздно, по выходному своему обыкновению. Следующий уик-энд им предстояло привычно встречать уже вместе. Да, должно же будет быть четыре праздничных дня, вспомнил он, с четверга, с восьмого! Значит, рабочая неделя короткая. Хотя... предвыборный головорот, дел невпроворот, как бы там, наоборот, не до полуночи сидеть. Возвращаться не хотелось, конечно. Не хотелось покидать эту экзотическую, как старинная гравюра, японскую сказку, невероятно уютную внутри хрустального шара гиперсовременности, да и утомительный обратный перелет легкой жизни не обещал. В конце, после коротких

сообщений о том, что она выспалась, встала, завтракает, целует и скучает, Рита прислала ссылку на заметку с интернет-портала их городской газеты «Энский наблюдатель». «Посмотри, кстати, как время будет» — так подписала она, приправив сообщение троекратным многоточием. Сразу переходить по ссылке Баврин не стал, решив, что глянет в более спокойной обстановке.

Он прочитал новость, которую прислала жена, за обедом в маленьком ресторанчике в Идзу. «Учителя-историка Второй городской гимназии обвиняют в экстремизме и оправдании нацизма», — сообщил «Энский наблюдатель» в короткой утренней заметке. — Следственный комитет предъявил обвинения по статье 282 Уголовного кодекса “Возбуждение ненависти либо вражды” бывшему учителю истории Второй гимназии Михаилу П. Поводом стали посты в социальных сетях и блоге обвиняемого. Следователи также инкриминируют ему деяния, ответственность за которые предусмотрена статьей 354.1 “Реабилитация нацизма”, с заявлениями о чем обратились родители сразу нескольких учеников гимназии. Вчера по ходатайству следствия суд принял решение об избрании мерой пресечения для бывшего историка заключение под стражу».

Сомнений быть не могло, речь в заметке «ЭН» шла о Протасове, бавринском друге детства и отрочества, юности и зрелости. Баврин перечитал короткий текст, пытаясь обнаружить в нем некие скрытые детали, которые могли бы... Могли бы — что? Поверить в то, что все это правда, он не мог. Сомнений не было.

Обратной дороги и остатка дня до самой гостиницы Баврин не заметил.

Уже в своем одноместном номере, поздней ночью перед завтрашним вылетом домой, Баврин скрупулезно и пристально перебирал в памяти, репостил ли он какие-нибудь Мишины записи, комментировал ли что, ставил ли где лайки. Зашел с телефона на одну, другую, третью страничку друга — но все они или оказались закрыты, или не загружались. Выходило, однако, навскидку, что вроде нет, не репостил, хотя, возможно, комментировал и уж лайки-то ставил почти наверняка. Что это значило сейчас для него самого, Дмитрий Владимирович гадать не хотел. И чем больше он думал обо всем, что ждало его дома по возвращении, тем дальше обнаруживал себя от этого: дальше и от дома, и от жены, и от сына, и от управления, и от содержащегося под стражей в следственном изоляторе Протасова, — будто расстояние между ними исчислялось сейчас не километрами, а годами.

Засыпая, он погружался в глухую илистую глубину, в еще одну старинную легенду, рассказанную вчера гидом на озере Аси. Их катер проплывал мимо больших красных вороттории синтоистского храма Хаконе — Вратами Мира назывались они, стоящие прямо в воде у берега озера. По легенде отсюда в давние времена отплывал на лодке монах с бочонок риса в качестве подношения живущему в глубинах огромному дракону. Монах должен был доставить свой груз к самому центру озера, там столкнуть его в воду и быстро, не оборачиваясь, грести обратно. Да, ни в коем случае не оборачиваясь — чтобы не увидеть, как бочонок исчезает во внезапно образовавшемся водовороте.

Глава 2

Пора представиться

Имя мое, по правде говоря, ничего вам не скажет. Есть мнение, что в начале истории можно назваться любым из имен. Потом уже — да. Потом дело другое — там, конечно, придется держаться избранного. Но в эти первые минуты перед нами еще открыты все возможности: фигурки пока не расставлены, имена не даны, не проведены линии связей, — история только началась, и никому из нас, персонажей, и никому из вас неизвестно, какой она окажется. Однако взгляд, слух, внимание уже пытливо ищут, за какие бы им тут крючки зацепиться. Имя вот, например, да? Первое появление героев, первые слова.

Так и в зерен горсти, рассыпанной по столу, и в кофейной гуще, и в стереометрии облаков свежего апрельского неба, и в вечернем рисунке светящихся окон многоэтажки напротив — глаз наш во всем на свете пытается выискать рациональную структуру и смысл. Человек воображает, будто именно он установлен в центре мироздания, окруженный мириадами декораций.

В детстве я все время считал. Ребят в классе, проезжающие по улице машины, встречных людей, спутников в вагоне трамвая, куски хлеба в столовой, глотки горячего чая. Шевелил внутри себя губами, беззвучно отсчитывая: один, два, три... Не просто отсчитывал, а как будто откладывал в голове, загибал на внутренних пальцах. Так откладывал, что легко мог вспомнить, например, месяц спустя все исчисленное мной. По дороге домой из школы семнадцатого октября во втором классе я встретил сорок девять человек: из них двадцать одну женщину, двенадцать мужчин и шестнадцать детей. Подростки считались за детей, конечно. Или вот еще: семьдесят восемь машин на мосту, по которому идет прогуливающий физру пятиклассник. Или, скажем, тридцать шесть фраз матери, поделенных на четыре фразы отца, в ночном разговоре на приглушенных повышенных тонах за неплотно прикрытой дверью. Вот как я рос — через сложение и вычитание, умножение и деление, возведение в степень и извлечение корня. Арифметика восходила к алгебре, призывая под свои знамена синусы и тангенсы, начала анализа открывали заветные двери для пытливого ума.

Маленькие люди в классе звали меня Калькулятором, находя в том, кажется, нечто очень смешное или очень обидное. Но глупость и смешит, и унижает только самого своего хозяина. Меня это не задевало совершенно. Мне-то было известно, кто я на самом деле — числовик, числовед, числовод.

Годам к тринадцати я обнаружил, что все на свете, включая историю и биографию, есть число и исчисление. Как так — все? Сейчас поясню — при помощи развернутой

метафоры. Самое главное — не путайте число и количество. Вот живет человек, а лучше сказать — летит по мирозданию воздушный шарик человека. Внутри шарика этого — прошлое, поверхность его — настоящее, оно касается будущего вокруг, того будущего воздуха, в который шарик этот растет. Объем прошлого может быть исчислен, пусть и не в привычных нам единицах: прожитое человеком время — его длина; за ширину можно принять пространство, географию, «где бывали, что видали»; а глубиной, создающей, собственно говоря, объем, будет биография его души, человеческая история, то, чем заполнено — пустое само по себе — время его жизни. Глубина как раз и решает: некто, сидевший безвылазно в собственном одном доме одного города, за счет интенсивности, глубины, как принято говорить, «внутренней жизни», может стать, наберет объем больший, чем другой персонаж, облетевший своим шариком полмира, но растративший всю эту ширину на походы по местным клубам и фотки в нынешнем инстаграме*.

И вот, говорю вам, человек живет, расширяясь в будущее, нарастая сам на себя, обрастая собой. Парадоксальным образом мы можем обнаружить, что чем больше прошлое человека, тот самый объем, о котором мы говорили минуту назад, — тем больше его настоящее, поверхность человека, как вы помните, и тем больше будущее его.

— И что потом? — раздается воображаемый голос откуда-то из задних рядов.

* Деятельность Meta Platforms inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская. — *Прим. ред.*

— Потом?.. Потом шарик лопается. И настоящего не остается никакого. А прошлое перемешивается с будущим — с будущим других шариков, плывущих в общем для всех воздухе.

На истфаке педуниверситета интересы мои качнулись от определенностей к вероятностям — я увлекся карточными играми: деберц, белот, преферанс, чуть позже — покер. Особенно мне нравился покер, да, — ведь в нем, по сути дела, играют в людей, а не в картонки. Не сказать, чтобы я достиг каких-то великолепных вершин, проигроком я не стал, но играл, в общем, в стабильный плюс. По завершении недолгой игроцкой «карьеры» накопил я и неплохой материальный остаток от нескольких лет занятий тем, что вызывало во мне живой интерес и к тому же приносило удовольствие. Я предполагал, что это вложение станет моим первоначальным взносом в капитал будущей семейной и счастливой жизни... но тот, кто прокладывает на своем огромном кульмане линии человеческих судеб, располагал, видимо, иначе. Однако вернемся к нашим сказкам дядюшки Римана.

В студенческие годы я подрабатывал ночным сторожем в небольшой частной клинике. В большей степени просто для того, чтобы иметь какой-то долгий уголок вне дома. С восьми до восьми, две ночи через две. Вечером обходил все кабинеты на обоих этажах, закрывал двери и устраивался на ресепшене читать, писать истории в своих тетрадах, а ближе к сессиям обычно подтягивать учебу. В конце дежурства обходил все еще раз, потом встречал уборщицу и администратора и ехал домой отсыпаться. На перекуры и зимой и летом я дисциплинированно отправлялся на крыльцо, и по утрам мне нравилось разглядывать

спешащих мимо по своим делам прохожих. Для них, так или иначе выпавшихся, уже совершался новый день, для меня же продолжался прежний. И вот на каком-то из дежурств — точно не вспомню, конечно, но было это ранним утром в середине мая, где-то после праздников, — я обратил внимание на такого прохожего человека. Молодой высокий мужчина, немногим старше меня самого. Он был одним и тем же, он повторялся, то есть проходил через мой перекур каждую буднюю рань в одно и то же время — жил, видимо, где-то неподалеку, и путь его лежал мимо нашего скверика на автобусную остановку. Тогда я стал уделять ему внимание — на следующее утро, и через два на третье, и опять. Сначала просто смотрел с любопытством, затем как-то едва не собрался даже приветственно крикнуть ему что-нибудь. А потом вдруг обнаружил с его помощью то, что теперь назову для вас суммой человека.

С одной стороны, человек есть сумма всех своих информаций. Оседающие во мне новости, учебники, книги, фильмы и музыка, личный и опосредованный опыт, все, что я вижу — моим или чужим — зрением, все, что я слышу, осязаю, обоняю или пробую на вкус, — составляет мою память, меня самого. Каждый из нас родом из страны собственной памяти.

Но — кроме сказанного — человек есть и сумма собственной разности. Возьмем этого моего ежедневного прохожего — всякий раз, когда я его видел, он был, казалось бы, одинаковым. И вместе с тем — каждый раз смещался, пусть и самую малость, относительно себя предыдущего. Что-то ведь он прожил собою за это время, что-то с ним произошло. Он был на день старше, он чуть-чуть изменился за прожитые тысячу четыреста сорок минут своей жизни. Не будем вдаваться в детали, важно, что это смещение неизбежно,

невозможно скрыть зазор между вчерашним и сегодняшним человеком. И вот — заранее прошу простить мне следующие два слова — «интегральная сумма» всех этих зазоров, разниц, смещений и называется судьбой.

Но вам, вероятно, любопытно было бы обратиться от моих теорий в сторону того, что же произошло. Действие всегда держит сильнее описания, не так ли? Что ж, итак. Я окончил университет, завязал с игрой, планировал устроиться на службу и сочетаться законным браком. Однако биография моя повернула в другую сторону.

Со статистической точки зрения все видовое разнообразие человеческих судеб укладывается в очень небольшое количество сюжетов. Зритель, наблюдатель, читатель видит текущую по поверхности историю, куррикулум витэ — таким образом, что ее плесы и омуты, излучины и разливы могут показаться ему случайными, однако внутри истории, в скрытой глубине времени могучие, неотвратимые, безымянные силы направляют ее движение. И вот, не удивляемся же мы тому, что река течет, что невидимый ветер кружит октябрьский лист, что звезда движется через ночь, ведомая законами небесной механики, что маленький человек — по каким-то здешним, земным, но не менее таинственным законам — появляется на свет из поцелуя и переплетенных пальцев. Вся целиком жизнь героя от первого ярко распахнувшегося света до дыры в последнюю темноту будет составлена из окружающей его информации. Заметим здесь в скобках, издревле считается, что основной вопрос философии представляет собой дилемму, тогда как подлинно он раскрывается в форме триады: информация о бытии определяет сознание, которое определяет бытие.

Заметим и еще одно, прежде чем наконец-то нам уже начать, еще кое-что — о числах. С легкой руки незрячего старика-визионера из волшебного Буэнос-Айреса принято считать, что историй, которые мы рассказываем, так или иначе всего четыре: об осажденном и обреченном городе, о странствии и возвращении домой, о поиске сокровища, о самоубийстве бога. Однако, осмелюсь сказать в примечание к Борхесу, мне известна и пятая — это история о превращении. Та, в которой Чжуан-цзы и нимфалида колеблются, кто же из них кто. В которой, похрустывая суставами, Грегор Замза находит себя чудовищем (или чудовище обнаруживает, что его непостижимым образом зовут теперь Грегором Замзой). Это история о том, как несчастный охотник Актеон превращен небрежным божественным жестом в оленя и становится жертвой собственных гончих; о том, как тройка, семерка и дама ведут молодого военного инженера к семнадцатому номеру Обуховской больницы. Эта же история повествует и о том, как сын плотника восходит на Престол Небесный.

В том или ином изводе история о превращении, в сущности, совершается жизнью над каждым из нас.

И теперь в моих планах провести нас по галерее комнат, состоящих из двух месяцев моей истории... В ней все как в жизни: посторонние шумы, случайные встречи, звучание незнакомых и знакомых голосов, мелькнувший на периферии зрения силуэт, — невозможно предугадать, окажется ли что-нибудь важным или нет. Возможно, имеет значение все на свете, а возможно, что и ничего вообще, кроме разве одного: когда захлопывается дверь, с какой стороны ты обнаруживаешь себя — внутри или снаружи?.. Впрочем, здесь я исправлю себя: идти нам с вами не комнатами

и коридорами, а скорее — лесными тропинками, проложенными меж уходящих стволами и кронами в небо, тихо замерших зеленых великанов. Здесь нам — смотреть, здесь нам — слушать. Всякая история наполнена смыслами, как летний лес птицами. Но едва ли стоит пытаться услышать их все сразу. Да это и невозможно. Обернись же в зрение, в слух, доверься проводнику в глубине таинственной чащи — мы идем узкой тропинкой по линиям судьбы героев, неведомый мой спутник. Начать нам следует издали, но пусть это не тревожит тебя. Не бойся и оступиться, в последний миг перед падением всегда подхватят, не упустят твою руку. Постарайся, отринув сомнения, следовать и следить за выбранным героем — внимательно, ничего не упуская, собирая себе единственную мелодию. Быть может, доведется нам где-то и остановиться перед неясной развилкой; как верный провожатый, как всеведущий гид, я неотступно буду рядом, не мешая там, где во мне не будет излишней нужды, и появляясь ровно в ту минуту, когда необходимо окажется направить наш следующий шаг из главы в главу.

Конечно, если бы мы сидели теперь лицом к лицу, можно было бы здесь дружески улыбнуться и просто сказать: «Что ж, пора представиться. Мое имя Михаил Протасов». Но я сижу сейчас не рядом и не напротив, а под стражей в общей камере энского СИЗО.

Глава 3

Место, которого нет

Всех она переживет: и отца, рожденного в последний год золотого столетия и сложившего свою рано полысевшую честную голову в перестрелке с уголовниками дождливой осенью тридцать пятого в должности замначальника райотдела НКВД, каковая птица-перестрелка, конечно, одним-то крылом срезала год-другой его собственной жизни, однако крылом вторым — оберегла и жену его, и двух маленьких дочерей-погодок, благодаря той предрассветной засаде на складах ж/д станции переживших конец тридцатых в статусе и с пенсией семьи героя Гражданской войны и борца за установление советской власти в Энской губернии, а не с позорным, как обжигающий плевок, клеймом ЧСИР — членов семьи изменника родины; переживет она и старшего сына, погибшего молодым аспирантом под лавиной во время восхождения на Адай-Хох; переживет непутевого, но доброго своего мужа, уснувшего за рулем по дороге от озер с рыбалки; и младшего сына с невесткой, проводивших поздний летний отпуск восемьдесят шестого года на юге и навсегда ушедших в ночное море на «Адмирале Нахимове»; переживет

она и мать, выжившую на старости лет из ума, воображающую себя гимназисткой и уверенно путающую дочь с давным-давно почившей собственной бабкой; и сестру, с которой их разделили полжизни и полмира и которая окончила земной свой путь в обратном полушарии, в маленьком хосписе на окраине Уоллонгонга, Новый Южный Уэльс, Австралия; переживет наконец и себя саму, когда, ближе к середине десятого десятка, обнаружит собственное иссушенное тело внутри загустевшего, остывшего, остановившегося времени, похожего на маленькую полость в темном янтаре, где не осталось от жизни ее вообще почти ничего, за исключением этого сложносочиненного перечня утрат, который, словно доисторическое и дочеловеческое длинношеее, извиваясь в слышном ей одной половичном шуршании, ежедневно и ежевечерне медленно, неотвязно ползет за нетвердыми уже, шаркающими старушечьими шагами — стелясь вдоль плитусов и заполняя извивами глухие пыльные комнатки ее ветхого дома в частном секторе.

Но в протасовском и бавринском детстве она оставалась еще старушкой бодрой и строгой, крепко держащей дом и прилагавшийся к нему участок — небольшой палисадник перед окнами на улицу и огородик в три сотки во дворе — в нерушимом, искони и навек установленном порядке. Для соседей она была Наташей Петровной, учителькой, и они ее не то странно любили — с нутряной своей, природной, крестьянской простотой, не то от той же простоты побаивались, но неизменно и искренне уважали. Для Миши же, которого лет, наверное, с пяти ежегодно отдавали ей на воспитание на все три летних каникулярных месяца, была она просто баб Ташей. Отец и мама навещали их по выходным,

а он жил в своей городской «деревне» безвыездно с июня по август, греясь жарче послеполуденного солнца в лучиках баб-Ташиного добра, тепла и света. С третьего же класса остался у бабушки навсегда.

Там же, в одном из баб-Ташиных лет, Протасов составил знакомство с Митей Бавриным. В команду того привел с собой Лехман, Леша Манченко, живший в панельной пятиэтажке на 3-й Советской и оттого считавшийся меж них «городским». Он отрекомендовал смуглого полноватого новичка как своего с недавних пор соседа и доброго хлопца. Баврин, похожий на какого-то южанина: не то болгарина, не то грека, не то молдаванина, — не старался нарочно понравиться, не плел небылиц, на вопросы отвечал кратко и дельно; это вызывало симпатию. Вопреки экзотической внешности, оказался он, возможно, самым местным из них. Предки его, рассказал Митя, обитали в этих краях издревле, с тех пор как царь Алексей Михайлович за верную службу и ратные подвиги пожаловал казачьего атамана Власа Никитича Баврина землей и деревенькой в одном из здешних уездов.

Тем утром Протасов с Боцманом сидели на штабе в дальней стороне оврага, когда Лехман привел своего цыганенка. Штаб они обустроили еще в незапамятные времена и подновляли каждый май. Сюда приносили все обретенные ими по огромному и таинственному детскому своему миру сокровища, здесь пекли в углях картошку, ставили юннатские опыты на лягухах, жарили на сковородке «сухарики» из свежих дождевых червяков, играли в ножички или в подкидного дурака растрепанной боцманской колодой, строили планы на будущее. Теперь их стало больше — но пообвыклись быстро, поболтали; затеяли — кажется,

не без мысли о «проверке на дорогах» — пострелять из самострелов, которых имелось три штуки на четверых; новенький, получалось, оставался пока без собственного оружия, но они пообещали дать ему испытать свои. Самострелы у них были конструкции Манченко — на аптечном жгуте с прищепкой, для стрельбы вишневыми косточками. Лешка привез идею в конце прошлого лета из пионерлагеря — потом они уже все вместе собирали прототип, испытывали, дорабатывали конструкцию. Весной начали иногда постреливать в овраге, а как пошла зеленка — тут уж наступило для их партизанских засад раздолье! Впрочем, июнь и недельку июля забрал себе футбол — они собирались пораньше и с утра до ночи гоняли мяч за школой. Далеким мексиканским чемпионатом мира — первый на их сознательном веку — дотянулся и сюда, накрыв отчаянную команду волной священного безумия: Дасаев против Марадоны, Платини против Линекера, Беланов и Бурручага крутили финты, носились до изнеможения по школьному полю, лупасили выдавший виды мяч; прерываясь ненадолго на обед, возвращались опять, передохнувшие, злые до новых побед той сияющей, жгучей злостью, унять которую могла одна лишь ночь — когда уже невозможно становилось разглядеть в темноте ни мяч, ни ворота, ни соперника. Тогда расходились до следующего света, бежали домой — в голове ветер, в волосах песок, — чтобы поутру, подзарядившись и включившись, наново приняться за старое. Но июньское волшебство, увы, закончилось, как кончается все на свете. Наши вылетели в одной восьмой, Платини не смог ничего поделывать со сверхчеловеческой немецкой машиной, Линекер наколотил больше всех, но не дотянулся даже до полуфинала, и только величайший из аргентинцев на стотысячном стадионе под бело-голубым

небом Мехико поднял над головой Кубок мира. Все кончилось, футбол уступил место иным забавам.

В тот день, собравшись основательно, не спеша выдвинулись на позицию в густом кустарнике вдоль центральной дороги. Устроились попарно, но недалеко, шагах в десяти друг от друга: чуть выше — Боцман с Лехманом, чуть дальше — Митя Баврин с Мишей Протасовым. Лехман, он, конечно, и взял бы соседа своего в напарники — кабы не необходимость делить с ним дорогой руке и сердцу личный самострел... поэтому новичок достался Протасову. Пока Баврин обустроивал себе местечко между кустов, ворочался, шуршал в ветках, Миша тихо сел на корточки и взглянул вверх. Оттуда, сверху, сквозь просветы в листве, которую, будто приоживляя колдовством, беззвучно пошевеливал в себе горячий воздух, оттуда наблюдало за ними полуденное солнце. Вот он — бог контрразведки, всевидящее око, где в мире возможно от него по-настоящему укрыться?

— Эй, Миш, — отвлекая, шепотом позвал его Баврин. — Чему смеешься?

Протасов обнаружил, что действительно улыбается, сидя с запрокинутой головой. Не решит ли новый его товарищ, что он тут с ним чеканутый?

— Кусты густы, — таким же ответно таинственным шепотом быстро сказал он. Потом чуть подвинулся вприсядку к недоумевающему Мите, выпучил жутко глаза, резко моргнул, заговорщицки подмигнул и продекламировал:

— Густы кусты и не пусты.

Митя изменился в лице, зримо побледнев, и Протасов понял, что хватит.

— Ладно, хорош ломать комедию! Дело впереди, брат. — Подмигнув еще раз, уже по-простому, без кривляний, он ободрительно хлопнул друга по плечу. — Не время для дрейфа!

Достал из кармана сухую косточку, осторожно натянул резинку, закрепил в прищепке. Они были готовы.

Сверху по пустынной улочке быстро ехала ярко-красная «Комби». Ближе, ближе. Вот уже совсем около их кустов. Здесь. Т! т! — Баврин услышал распавшийся на две половинки костяной стук метких попаданий первой группы. Т! — отжав прищепку, поставил собственную точку его напарник.

Место для засады выбрали они очень удачно. Узенькая «деревенская» дорога не была заасфальтирована, кроме того, летним днем здесь почти всегда безлюдно и никакого встречного движения — так что водители гнали, не стесняясь. Высокий кустарник рос прямо вдоль дороги, пешеходные тропинки лежали с тыльной его стороны, вдоль дощатых заборов. Легкие стуки по кузову — даже если водитель их вдруг случайно и услышит в салоне, не пропустив мимо ушей в общем шуме, — могли издавать отлетевшие из-под колес кругляши гравия, щебенка. Партизанской диверсии в тех звуках-стуках никто на свете бы не заподозрил.

— А у меня сестра стрельбой из лука занимается, — сказал Митя, когда машина скрылась вдалеке.

— Да ну?.. — протянул Протасов. — Не врешь?..

— Нет, конечно! Она кандидат в мастера спорта, знаешь, как здорово стреляет! И все время ездит по соревнованиям. Ее, может быть, даже в сборную возьмут! — В доказательство, что ли, всего сказанного Баврин раскрыл на ладони извлеченное из кармана сокровище — значок со спортивной

фигуркой стрелка, какой-то аббревиатурой, цифрами и подписью «Алушта-86».

— Ого! Дай поглядеть. — Протасов покрутил свеженький разноцветный значок в пальцах, рассмотрел внимательно и бережно вернул владельцу. — А мои родичи, кстати, в конце августа тоже на юг едут по путевке, в Одессу и потом еще в какой-то круиз в Крым. Меня не берут — потому что школа. Тоже, наверное, значки привезут!..

Зашуршали кусты сзади — это Лехман, акробатически изгибаясь в четыре погибели, пробирался между веток в их укрытие.

— Эй, второе отделение! — негромко окликнул их. — Как дела, бойцы?

— Порядок, — отрапортовал Протасов. — Держим сектор обстрела. Ты знал, что у него, — он кивнул в Митину сторону, — сестра — мастер спорта по стрельбе из лука?

— Кандидат, — скромно отредактировал товарища Баврин.

— Ну, кандидат — это тоже вещь! — Лехман покивал с уважением. — Да нет, я не знал. Слушай, а ты можешь у сестры спросить, чтобы нам из спортивного лука как-нибудь пострелять, получится?

— Попробую, — подумав, ответил Митя. — Обещать не могу. Но попробую.

— Было бы здорово, — сказал Протасов.

— Да, будет здорово, если срстется. — Манченко покрутил головой, оглядев дорогу сверху вниз и обратно. Взглянул на большие свои командирские часы, водонепроницаемые, противоударные, гордяцкие. — Ну что, ждем еще? Или на обед? Кстати, пошли после обеда в город, а? У меня бутылки есть — сдадим, газировки попьем или в кафе-мороженое.